

УДК 327(560)
ББК Ф4(5Туц)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ МИД ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1990-е ГОДЫ

Р.С. Терехов

В статье рассматриваются основные политические доктрины Турецкой Республики на рубеже веков. Анализируется положение Турции на международной арене. Исследуются основные векторы внешней политики, анализируются их положительные и отрицательные моменты.

Ключевые слова: Турецкая Республика, доктрина, МИД, внешняя политика, пантюркизм.

События 1990-х гг. создали глобальную ситуацию, крайне сложную для теоретического освоения, поскольку она вышла далеко за рамки опыта существования мирового сообщества в советский период современной истории. Роспуск Организации Варшавского договора, сопровождавшийся полной внешнеполитической переориентацией ее бывших членов, распад Советского Союза и появление на его месте 15 государств с формирующимися национальными интересами и политическими предпочтениями – все это разрушало биполярное мироустройство, вынудив всех членов мирового сообщества включиться в процесс создания его новой структуры.

С начала 1990-х гг. для Турции характерна активная, напористая политическая, экономическая и идеологическая экспансия как в регионы, некогда входившие в состав Османской империи (государства Северной Африки и ближнего Востока, Ирак, Закавказье, Крым, Балканы), так и в те, с которыми Турцию соединяют исторические и этноконфессиональные связи (Иран, Пакистан, республики Средней Азии, Татарстан, Башкортостан). При этом уже отмеченное изменение статуса Турции вынуждало остальные страны учитывать, а то и корректировать свою позицию по региональным проблемам в соответствии с устремлениями Турции [6, с. 267].

В начале 1992 г., когда распад Советского Союза стал свершившимся фактом, одной из основных тактических задач во внешней политике Турции стало убедить Запад, в особенности США, в преимуществах использования ее в контактах с новыми государствами Средней Азии, а последних – в том, что она может быть их защитником на Западе [1, с. 14]. В феврале 1992 г., во время визита в Вашингтон премьер-министра Турции Демиреля и его переговоров с президентом США Бушем, турецкая сторона прямо заявляла об изменении своего регионального статуса, о способности активно участвовать в определении политического будущего мусульманских республик СНГ. При этом турки исходили из привлекательности для этих республик именно турецкой модели светского государства [13].

Претендуя на особую роль Турции на постсоветском пространстве, Демирель предлагал и конкретные меры, и некую концепцию согласованного поведения в Средней Азии. Речь шла о межгосударственных структурах, например, среднеазиатском банке, университете и др., в которых роль координатора-распределителя принадлежала бы Турции, в то время как Западу (в основном, США) отводилась роль источника финансов. Подобная система была бы эффективной в противодействии экспансии исламского фундаментализма, источником которого предполагался Иран. Демирель подчеркивал, что «лидеры стран Средней Азии готовы предоставить привиле-

гии в ходе сотрудничества всем, кто будет осуществлять финансовые инвестиции, однако исламский фундаментализм их пугает не менее, чем Запад» [15].

В начале 1992 г. президент Турции Тургут Озал заявил, что «у независимых республик Средней Азии нет проблем выбора модели развития, поскольку они уже сделали его в пользу турецкой модели авторитарной националистической модернизации, внедренной Аттатюрком» [14]. Для подобного заявления у Озала были основания в виде итогов незадолго перед тем завершившейся поездки министра иностранных дел Турции Четина по пяти среднеазиатским республикам. Особенно важным для турок было то, что руководители новых государств Средней Азии выражали свою искреннюю заинтересованность в следовании турецкой модели [8, с. 94].

Культурная близость Турции к тюркским народам Евразии позволила государству объявить себя опекуном и старшим братом (agabeylik/аабейлик) для тюркских государств. Это новое направление во внешней политике Турецкой Республики было зачитано в турецком парламенте 30 июля 1993 г.: «Появление новых независимых государств на постсоветском пространстве положило начало чрезвычайно новому и важному развитию для Турции. В 2000-е гг. государство должно стать центром притяжения в этом обширном регионе. Связанная с тюркскими республиками близкими отношениями, она имеет перед ними особые обязанности и обязательства в процессе их открытию миру и интеграции в мировое сообщество» [7, с. 198].

В конце 1990-х гг. Анкара разработала геостратегическую концепцию развития страны до 2023 года. «В рамках этой концепции была определена внешняя политика Турции в Евразии, в основе которой заложен пантюркизм» [19]. В 1990-е гг. в Турции набирал силу турецкий национализм, «поощряемый» правительством Р.Т. Эрдогана. В стране были созданы многочисленные фонды и исследовательские центры, в работах которых по-новому рассматривалась роль тюрков в мире. Тюрки – великая нация, господствовавшая в Евразии тысячелетиями. Исторически тюрки контролировали огромные территории в Азии, Африке и Европе. Тюрки одна из самых

молодых и динамично растущих наций. Географически тюрки проживают на территории общей площадью 55 млн кв. км. Самые близкие к туркам тюркские народы проживают на Кавказе, Балканах, Центральной Азии и Ближнем Востоке.

Согласно анализу политики Турции в Евразии в 1990-е гг., можно сделать вывод о том, что Анкара серьезно намеревалась создать в XXI в. мощное тюркское государство в географических рамках Османской империи и некоторых российских территорий с компактным проживанием тюрков. Это должно было происходить параллельно с вступлением Турции в ЕС. Более того, Анкара этим процессом хотела подтолкнуть ЕС к более радикальным действиям по ее приему в полноправные члены [3, с. 79].

В этом вопросе можно бесспорно вести речь об идеологических течениях или доктринах «пантюркизм» и «пантуранизм». Пантюркизм – «агрессивная, расистская доктрина, согласно которой все роды, говорящие на тюркских языках, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое, простирающееся от Балкан до Сибири государство Туран (отсюда применяемое иногда к пантюркизму название пантуранизм)» [4, т. 10, с. 96]. Разница между пантюркизмом и пантуранизмом заключается в значительной мере в количестве народов, на объединение которых претендуют сторонники этих доктрин. По сути обе эти доктрины не отличаются друг от друга. Не случайно ведущие пантюркистов иногда именуют туранистами. Другими словами, пантюркизм, или туранизм, – политическое движение, нацеленное на объединение всех тюркских народов в одном государстве. Территории общего тюркского государства, по представлениям приверженцев пантюркизма, должны распространяться от Балкан и Крыма до Восточной Сибири и западного Китая, то есть на территории проживания тюркоязычных народов [2, с. 127].

Между тем идея пантюркизма с завидным упорством внедрялась в общественное сознание как спасительная идея выживания не только бывших республик Советского Союза, но и других. О грандиозности замысла говорит достаточно пестрая и обширная география предполагаемых членов нового обра-

зования. От греческих островов в Эгейском море к Греции, Боснии-Герцеговине, Албании, юго-восточным районам Болгарии, к молдавской Гагаузии, Крыму, Чечне, Башкирии, Чувашии, Татарии, Хакасии, Якутии, Туве, части Китая, Ираку. Но вот что интересно, ведь чувашаи совсем другой веры – православные, а буряты и монголы вообще и не турки, и не мусульмане, а, как известно, традиционно сторонники буддизма. Но для дела создания «Великого Турана», видимо, все народы хороши.

Отдельное место в этих замыслах занимал не только мусульманский Таджикистан, но и христианская Грузия. В 1992 г. практически под эгидой Турции создан Черноморский альянс. Турецкое присутствие ощущалось повсюду. Масса турецких рабочих строило объекты в Москве и других городах и населенных пунктах России. Официальные представители Турции посетили почти все без исключения бывшие союзные и автономные мусульманские образования и подписали с ними договоры не столько о взаимопомощи, сколько об односторонних кредитах, позволяющих им на первых порах обходиться без России. Министр Турецкой Республики по связям с тюркоязычными республиками бывшего СССР Абдуллах Чей 19 января 2000 г. прямо заявил: «Турция может и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном, не исключая возможного углубления турецко-российской конфронтации», но это еще не все. Турецкий министр выразил надежду на то, что в состав содружества удастся включить славянскую Украину и исламский Иран [7, с. 158].

Однако официально эта доктрина никак не поддерживалась высшим руководством Турции. Точнее сказать, она находила свое отражение в более широкой внешнеполитической доктрине в азиатском регионе. Но там она значится лишь как помощь среднеазиатским и республикам бывшего СССР.

Из высказываний Сулеймана Демиреля, Хикмета Чегина, Тургута Озала постепенно прояснялась основная цель «новой» турецкой внешней политики. Упомянув о причинах развала Османской империи, крайне неоднородной по входившим в ее состав народам, в 1990-е гг. Анкара пыталась возродить ее, но на качествен-

но ином уровне – из тюркоговорящих государств, а также окружить планируемое образование «поясом» из зависимых стран. Турецкие лидеры частенько говорили об этом. Как писала турецкая газета «Миллиет» от 10.02 1993 г., Т. Озал, выступая перед бывшими депутатами от Партии отечества, сказал, что Турция должна поставить вопрос о границах существовавшей когда-то Османской империи в центр своих интересов с тем, чтобы снова стать империей в XXI веке [12, s. 7]. Турецкий президент предложил на первом этапе реализации «неоосманского плана» расширить зону так называемого черноморского экономического сотрудничества на территории, простирающейся между Каспийским и Адриатическим морями, и создать в конечном счете союз, который противостоял бы Западной Европе. Конкретизировал идеи Т. Озала министр образования Азербайджана Ф. Челилов. В ходе пребывания с визитом в феврале 2004 г. в Турецкой Республике Северного Кипра он сказал буквально следующее: «Будущее столетие станет турецким веком; будет создан Турецкий союз, который протянется от Балкан до Алтая в Центральной Азии. Никакая сила не сможет остановить это развитие» [16]. Примечательно, что в отличие от Османской империи, стремившейся к экспансии на Запад и в Средиземноморье, в 1990-е гг. турецкое руководство делало ставку на «восточное направление», при этом не забывая своих традиционных партнеров – США и страны Западной Европы.

Ближе к концу 1990-х гг., по мере развития и улучшения отношений Турции и ЕС, появилась дополнительная концепция параллельного сотрудничества не только со странами Средней Азии, но и улучшения отношений с соседями, то есть со странами Ближнего Востока, в первую очередь с Израилем, Сирией и Египтом. А также по мере развития поступательного движения в сторону ЕС оказывать данному направлению повышенное внимание.

Можно заметить, что концепция внешней политики слегка изменилась с приходом в 1997 г. нового министра иностранных дел Турции Исмаил Джема, который заявил, что «отношения с евразийскими государствами – один из двух высших приоритетов турецкой внешней политики. Джем повторил, что Турция будет основным игроком в Центральной Азии, сделав предположение, что в свое вре-

мя Турция потерпела здесь поражение в большой игре». Министр иностранных дел Исмаил Джем подчеркнул, что Евразия занимает «очень, очень важное место в турецкой внешней политике». Он настаивал, что «один из двух высших приоритетов турецкой дипломатии заключался в получении позиций основного игрока в евразийской политике. Членство Турции в Европейском Союзе являлось только вторым по важности приоритетом» [17].

В мае 2000 г. президент Турции С. Демирель, накануне истечения своего срока полномочий, в речи на саммите глав тюркских республик в Баку заявил, что возникший после распада СССР тюркский конгломерат не что иное, как «исторический шанс, которым необходимо воспользоваться, и локомотивом тюркского сообщества готова стать Турция» [18]. Российская Федерация крайне болезненно воспринимала данные экспансионистские планы, которые непосредственно затрагивали ее экономические и геополитические интересы, но вплоть до середины 1990-х гг. была не в состоянии серьезно противостоять турецким устремлениям. Можно предположить, что данный внешнеполитический вектор способствовал консолидации турецкого общества внутри государства, обеспечивая популярность турецкой элиты, находящейся у власти. Идеология тюркской солидарности, связанной с общностью происхождения, религии и некоторых элементов языка и культуры, использовалась и ранее.

В концепцию Турции об экономической и гуманитарной экспансии, осуществляемую с целью консолидации тюркских государств, можно разделить на два этапа:

- 1) 1992–1997 гг. – время активной экспансионистской политики Турецкой Республики;
- 2) 1997 г. и до настоящего времени – осознание турецкой элитой ограниченности своих материальных ресурсов и начало восстановления экономического и политического потенциала РФ в регионе.

На протяжении первого этапа турецкая сторона была доминирующим иностранным торгово-экономическим партнером тюркских государств. Государство демонстрировало своим младшим тюркским партнерам готовность выступать локомотивом развития региона и осуществлять значительные материаль-

ные вложения. В сжатые сроки были согласованы и подписаны с каждой из республик соглашения о торговле, взаимном поощрении и защите инвестиций, устранении двойного налогообложения, установлении прямого авиасообщения. В 1992 г. было создано при Министерстве иностранных дел Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию (ТИКА), которое и до сих пор ведает всем спектром отношений Турции с тюркскими государствами, а также с тюркскими народами, проживающими на территории бывших советских республик, в области экономики, культуры, образования, туризма и т. д. [21, с. 663].

Офисы ТИКА были открыты на территории Молдавии, Монголии, Таджикистана, Грузии, Узбекистана, Азербайджана, Украины, балканских стран и на территории Кипра. В сфере экономики основным направлением деятельности ТИКА в 1990-е гг. являлось оказание помощи в экономическом подъеме тюркским государствам и национальным тюркским меньшинствам в постсоветских государствах, развертывание совместных проектов и программ, регулирование правовых, технико-экономических, социальных и экологических вопросов сотрудничества. В число приоритетных задач, поставленных перед ТИКА, входило и содействие в проведении структурных и рыночных преобразований, создание условий для быстрой интеграции государств и мест компактного проживания тюрков в мировое хозяйство. При выполнении этих функций представители ТИКА могут привлекать к участию в отдельных проектах государственные министерства, предприятия и банки, сотрудничать с международными организациями, включая ООН, и структурами отдельных зарубежных стран. Наряду с деятельностью официальных правительственных турецких организаций в направлении расширения зоны влияния государства активно включился частный торгово-промышленный капитал Турции [20].

В декабре 1991 г., после объявления независимости новых государств, Турецким комитетом по внешним экономическим связям (ДЕИК) с большинством из независимых государств Средней Азии и Кавказа были налажены деловые контакты, учреждены деловые советы, которые смогли определить объекты турецкого инвестирования.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что несмотря на амбициозные заявления и колоссальные организационные усилия, которые осуществлялись турецкой стороной на протяжении 90-х гг. XX в. в данном направлении, Турция уже к середине указанного десятилетия ощутила свою неспособность удержать тюркские государства СНГ в сфере своего доминирующего экономического и тем более политического влияния.

В условиях ограниченности экономических ресурсов Турция постепенно отказалась от создания собственной зоны влияния на территории проживания тюркских народов Евразии, свертывая прежние планы к развитию в основном образовательных программ в рамках деятельности ТИКА, что позволяет говорить о создании гуманитарной сферы влияния Турции.

Во-первых, Турция сохранила свое присутствие на Кавказе и Средней Азии, сузив его к гуманитарным и образовательным программам.

Во-вторых, государство в очередной раз сыграло роль моста между тюркскими республиками бывшего СССР и других государств и западными экономиками, показав первым возможности диверсификации экономических связей, а вторым облегчив процесс экономического проникновения.

В-третьих, при содействии Турции произошло включение тюркских государств в состав региональных экономических и политических объединений: Организацию экономического сотрудничества, Черноморское экономическое сотрудничество, Организацию Исламская конференция, а также проникновение международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития).

Другое направление внешней политики Турции в начале 1990-х гг. появилось с началом конфликта в Боснии и Герцеговине, где Турция безоговорочно встала на сторону мусульманской общины, проявила пристальный интерес к событиям, разворачивавшимся в этой республике. Премьер-министр Турции Сулейман Демирель призвал международное сообщество «готовиться к вмешательству» в Боснии. При этом он апеллировал к понятию «мусульманское большинство» в этой респуб-

лике, хотя, как известно, до начала там этих событий численность мусульманской общины составляла всего треть ее населения [11, s. 5]. В том же месяце Турция организовала в Стамбуле конференцию Балканских стран по боснийской проблеме на уровне министров иностранных дел. Как писала «Хьюриет», Анкара хотела подать стамбульскую встречу как «последнюю возможность предотвратить войну на Балканах».

На деле она использовала трибуну конференции с целью убедить мировую общественность в необходимости военного вмешательства в Боснии. Наиболее ясно позицию Турции по боснийской проблеме изложил начальник Генерального штаба турецкой армии армейский генерал Доган Гюреш. Он прямо заявил, что если по позициям сербов не будет нанесен удар, обеспечить мир в Боснии и Герцеговине будет невозможно [10, s. 12]. Оставаясь светским государством, Турция, тем не менее, стремилась разыграть «мусульманскую карту» путем придания боснийскому конфликту религиозного оттенка. Возможно, что за этим стояло стремление Анкары поднять свой вес в исламском мире. Глава МИД Турции Х. Четин на одной из своих пресс-конференций четко определил, что ситуация в Боснии является главной международной проблемой для Анкары, а также упомянул о существовании концепции в отношении Балканского полуострова [9].

Еще одним союзником Турции на Балканском полуострове была Албания. Об этом свидетельствует подписанное в Тиране соглашение о сотрудничестве в подготовке военных кадров и разработке технологий военного производства. Документ, в частности, предусматривал взаимодействие двух стран в подготовке кадров для албанской армии, обмен разведывательной информацией, участие в совместных маневрах. Последний пункт означал, что в случае необходимости турецкая армия получала плацдарм для действий на Балканах. Более того, как заявил подписавший соглашение с турецкой стороны министр национальной обороны Невзат Аяз, в случае «расширения» конфликта в бывшей Югославии и возникновении угрозы для Албании Турция окажет помощь Тиране [5, с. 110].

Но не только военное вмешательство входило в планы Т. Озала на Балканах. Ту-

рецкий президент добивался также того, чтобы Анкара взяла на себя «заботу» о защите Македонии, а это – первый шаг к подчинению ее Турции.

Изложенное выше не исчерпывает фактов и событий внешней политики Турции 1990-х гг. и в настоящее время давая, тем не менее, основания для выводов о качественном изменении современной концепции внешней политики Турции. Прежде всего анализ периода 1990-х гг. приводит к определенному выводу о самостоятельности, активной, гибкой, исходящей из целей обеспечения национальных интересов внешней политики Турции, реализуемой в соответствии с принципом взаимозависимости, в том числе с крупнейшими государствами мира – США и Россией. Это подтверждается тем фактом, что, имея четко выстроенную позицию в отношении ЕС, Турция способна лавировать между ним и Россией, определять себе лидерскую роль в развитии всего Ближнего Востока.

События, произошедшие в мире в течение 1990-х гг., повлияли и внесли свои серьезные коррективы во внешнюю политику Турции. Это подтверждается рядом концепций, принятых в данном периоде. Это внешнеполитические концепции Тургута Озала в 1992 г. (о тесном взаимодействии с республиками Центральной Азии) – данное направление представлялось наиболее перспективным в первые годы после распада СССР; Сулеймана Демиреля в 1993 г. (о целенаправленном сотрудничестве со странами, входящими в состав СССР), так как именно в этих странах было большое количество тюркоязычного населения, что соответствовало одним из требований реализации доктрины пантюркизма; Хикмета Четина в 1997 г. (о приоритете западного направления), связанное с тем, что взаимоотношения Турции и ЕС стали выходить на новый этап развития; Исмаила Джема в 1998 г. (о двухвекторной направленности внешней политики), которая требовала параллельного ведения активных действий сразу на двух внешнеполитических направлениях. Анализируя каждую из концепций, можно выделить как общие черты (формирование внешней политики исходило прежде всего из идей национальной безопасности; многовекторность внешней политики и неоднозначное уделение полного внимания какому-то из них), так и от-

личительные (они являются лишь реакциями на изменения внешней и внутренней среды, необходимостью усиления политики в том или ином направлении).

Также можно констатировать тот факт, что в начале 1990-х гг. была пересмотрена основополагающая концепция внешней политики и принципы Ататюрка о невмешательстве во внутренние дела других государств, которая действовала на протяжении долгого времени.

Проанализировав общее положение Турции на международной арене, можно сделать вывод, что в 1990-е гг. в сфере внешней политики помимо упомянутого в статье балканского направления происходит эрозия двух главных опор прозападной ориентации Турции. Первая – нежелание ЕС назначить дату переговоров о вступлении Турции в члены ЕС. Вторая – трения между Анкарой и Вашингтоном во взглядах на общую политику по Ближнему Востоку. Что в свою очередь порождает у турецких лидеров чувство разочарования и побуждает их к поиску геополитических альтернатив, все новых и новых вариантов взаимодействия и сотрудничества.

Взаимоотношения с ЕС, балканский вектор и стратегическое партнерство Турции и США, конечно, оказывали влияние в целом на внешнюю политику и являлись составными ее направлениями, которые нуждаются в более детальном и одиночном анализе. Однако в 1990-е гг. в турецкой внешней политике в большей степени преобладали: восточное направление (включая взаимоотношения с соседями и другими центрально-азиатскими странами) и тюркский вектор как одно из наиболее приоритетных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасаров, С. Б. Расширение сфер влияния НАТО на Ближнем и Среднем Востоке / С. Б. Багдасаров // Ближний Восток и Современность : сб. ст. Вып. 5. – М. : РАЕН, 1998. – С. 12–19.
2. Балаян, З. Г. Турция и Пантюранизм / З. Г. Балаян. – Ереван, 1931. – 359 с.
3. Паниев, Г. Э. Современный курс внешней политики Турции / Г. Э. Паниев ; Пятиг. гос. лингв. ун-т. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=649>.

4. Советская историческая энциклопедия. Т. 10 / ред. Е. М. Жуков, В. П. Болтин, Е. А. Волина [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1967. – 534 с.
5. Ульченко, Н. Ю. Турция – история и современность / Н. Ю. Ульченко. – М. : Профиздат, 2002. – 311 с.
6. Умков, А. Ю. Геополитические перекресток вчера и сегодня: (Кавказ в политике России, Турции и Ирана) // Ближний Восток и современность. – М., 1997. – Вып. 4. – С. 267–269.
7. Уразова, Е. И. Состояние и перспективы экономических отношений между Турцией и новыми тюркскими государствами / Е. И. Уразова // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2003. – 438 с.
8. Çağdaş Türk Diplomasisi: 200 Yıllık Süreç. Ankara, 1999. – 568 s.
9. Disisleri Bakanı Hikmet Çetin'in açıklamaları : [официальный сайт м-ва иностр. дел Турции]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/acik87&/salonu*09?54.
10. Hurriyet. – 23.10.91. – 41 s.
11. Milliyet. – 10.10.91. – 39 s.
12. Milliyet. – 10.02.93. – 40 s.
13. Special policy forum in Washington : The report of the prime-minister of Turkish republic Suleyman Demirel // [Официальный сайт Вашингтонского института]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.washingtoninstitute.org/media/samiturkhtp>.
14. Special policy forum : Report of Turgut Ozal the president of the republic of Turkey in 17.03.92 // [Официальный сайт Президента Турции]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.cankaya.gov.tr/sph/details56218>.
15. Suleyman Demirel'in açıklamaları // [Официальный сайт Министерства иностранных дел Турции]. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/about9?/*09?54scin.
16. The speech of Chelilov V. the minister of education of Azerbaijan (at the time of his visit to TRNC 05.02.04) // [Официальный сайт Института внешней политики Турции]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.foreignpolicy.org/countr/speech/123%>.
17. The speech of Ismail Cem the prime-minister of The Turkish Republic at The Turkish Grand National Assembly 17.09.97 // [Официальный сайт Министерства иностранных дел Турции]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/Bakanlik/Bakan/SayinBakanin89>>.
18. The speech of Suleyman Demirel the President of the Turkish Republic at the meeting of the heads of the Turkic republics in Baku 07.05.2000 // [Официальный сайт Института внешней политики Турции]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.foreignpolicy.org/speech/details9003htm>.
19. Türkiye'nin dış politikası hakkında bir konuşma/Bakanlar kurulu // [Официальный сайт Госплана Турции]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.dpt.gov.tr/belgeler/arsiv432#223%>.
20. TURKPAМ'in amaçları analitik centre / Агентство по сотрудничеству и развитию отношений с тюркоязычными странами. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [www.tika.gov.tr/front0&n/lini78\\$](http://www.tika.gov.tr/front0&n/lini78$).
21. Yavuzalp, E. Dış politikada bir vizyon / E. Yavuzalp // Çağdaş Türk Diplomasisi: 200 Yıllık Süreç. Ankara, 15–17 ekim 1997. Sempozyuma Sunulan Tebliğler. – S. 660–673.

THE POLITICAL DOCTRINES OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE TURKISH REPUBLIC IN THE 1990-s

R.S. Terekhov

This research paper investigates basic political doctrines of the Turkish Republic on the boundary of centuries and its position on the international scene. The author investigates the main vectors of the foreign policy and their positive and negative aspects.

Key words: *Turkish Republic, doctrine, Ministry of Foreign Affairs, external policy, panturkism.*